

Дин Ханьбай вернулся из-за границы в самый разгар лета, и вот уже год пролетел, как один миг.

На улицах в зените лета не продохнуть: зной вперемешку с шумом сводят с ума. В Бюро по охране культурных реликвий, правда, прохладно. Старое здание дымчато-серого цвета почти полностью скрыто под густыми зарослями девичьего винограда, так что стен почти не видно — только ряды окон с квадратными переплетами.

Кондиционер в кабинете молотит с утра до вечера. Женщины-коллеги да сотрудники постарше жалуются на холод, и только двадцатилетний паренек невозмутимо сидит прямо напротив воздушного потока.

— Дин, слышал, ты в Фуцзянь в командировку собрался? — внезапно подал голос руководитель группы Ши. — Заявление директору Чжану уже подал?

Руководитель Ши уже почти на пенсии, самый опытный, но при этом мастер отлынивать от работы — иначе не сидел бы в его годы на должности простого руководителя группы. Спрашивал он вовсе не из любопытства, а просто чтобы убить последние десять минут перед уходом домой.

— Еще позавчера подал. Директор Чжан до сих пор не смотрел, наверное, близорукий, — ответил Дин Ханьбай.

Парню едва исполнилось двадцать, в Бюро он работал всего полгода. Любил опаздывать, но уходить раньше времени — нет. Тратил больше, чем зарабатывал: подушка на стуле — только атласная, с гладью, подставка для кистей — только с квадратным узором, а любимая поза — вытянуть длинные ноги, прищурить глаза и размышлять, где бы сегодня вечером развлекаться.

Руководитель Ши знал, что у Дина Ханьбая с директором Чжаном отношения не заладились, и проговорил:

— Фуцзянь — это же так далеко. Не едешь — и ладно.

Дин Ханьбай кивнул, принимая утешение, но своего мнения не высказал. Ехать он хотел не из любви к труду, а потому что в Фуцзяне обнаружили партию артефактов со дна океана. Это его искренне интересовало, чисто из личного интереса.

Как только пробило время уходить, Дин Ханьбай подхватил сумку и отправился к выходу. Оседлал велосипед с высокой рамой и, не спеша и не суетясь, покатылся домой. Лето — дни длинные, дома всё равно раньше ужина не покормят, да и слушать материнские нотации не хотелось, лучше уж потратить время на оживленных улицах.

На полпути он резко повернул руль, выехал на проспект Инчунь и прибавил ходу. Рубашка

надулась от ветра. Проезжая мимо старого городского ресторана, он затормозил. Слез, купил порцию куриных крылышек в масле, повесил пакет на руль и, уезжая, не спеша оглянулся на магазин Юй Сяоцзи напротив.

Самый именитый в городе магазин нефритовых изделий, а покупателей — кот наплакал. И ведь таких магазинов у них не один, а целых три.

Дин Ханьбай, вдыхая аромат крылышек, въехал на улицу Шаэр и увидел впереди женскую фигуру. Изысканная, тонкая, длинные волосы рассыпались по лопаткам, плечи ровные, ноги стройные, а белая плиссированная юбка добавляла прохлады в этот знойный день.

Дин Ханьбай яростно нажал на звонок и, словно гончая, рванул к ней:

— Это чья же такая красавица тут идет?

Девушка обернулась и замахнулась на него:

— Вечно ведешь себя как невоспитанный мальчишка! Пожалуюсь матери.

— Ой, так это же моя тетушка! — Одной из главных радостей жизни для Дина Ханьбая было подкалывать родню по материнской линии. Например, бабушка с дедушкой на старости лет родили дочку, а несколько лет назад отправились в мир иной, и теперь эту тетушку, которая была всего на три года старше него, их семья взяла под опеку, словно сестру.

Цзян Цайвэй переступила высокий порог, помогла ему донести сумку и спросила:

— Опять крюк сделал, чтобы поесть купить? Как там дела в магазине?

Дин Ханьбай закатил велосипед во двор:

— Да всё так же. Я только мельком глянул.

У их семьи Дин было мастерство, передающееся из поколения в поколение: резьба по нефриту и камню, единственные в городе специалисты. Юй Сяоцзи процветал много поколений, в смутные времена закрывался, но после всех перипетий осталось три лавки. Предки завели правило: доля в бизнесе зависит от мастерства. Грубо говоря, кто круче всех — тот и главный. Это было сделано для того, чтобы мастерство не деградировало.

Сейчас круче всех был отец Дина Ханьбая — Дин Яньшоу, а дядя Дин Хоукан был чуть слабее.

Дин Ханьбай — старший сын и старший внук. Еще ходить не умел, а уже учился держать резец

у отца на коленях. Талант рос вместе с его ростом. Рост остановился, но он всегда держался прямо, не сутулясь, а вот талант достиг пика, и он напрочь забыл, как пишется слово скромность. Вдобавок ко всему, в самый безрассудный возраст он решил поехать учиться за границу, в итоге знаний набрался не много, зато кучу денег просадил.

Он расстегивал пуговицы на рубашке, входя в дом, где повсюду были улики его транжирства: фарфоровое блюдо для сладостей, курильница с двумя драконами, на прикроватной тумбочке — зеркала в позолоченных бронзовых рамах.

Переодевшись и умывшись, Дин Ханьбай отправился в передний двор, в главную гостиную, ужинать. Предки их были невероятно богаты: огромный дом, в каждой комнате — груды нефритовых украшений, монеты юаньдатоу валялись как игрушки, а горшки для масла и уксуса были из ценного нефрита с резьбой в виде драконов и фениксов.

Сейчас все живут в отдельных квартирах или коттеджах, но семья Дин по-прежнему держалась вместе, занимая три двора. Родители Дина Ханьбая и тетушка жили в переднем, дядя с семьей — в восточном, а третий, маленький дворик, Дин Ханьбай занимал один. Динцы были беспокойными: стоило кому-то загореться идеей, как они ломали стены, потом остывали, возводили арки, сажали цветы, стремясь превратить всё в произведение искусства.

Но Дин Ханьбай в душе всё это презирал. Какой бы ни был двор большой и красивый, с прошлыми временами не сравнится. Чем больше они суетятся, тем сильнее видна их несостоятельность. Пытаются воссоздать былое величие, а на самом деле занимаются самообманом.

Он хотел всё изменить и понимал, что работа в Бюро по охране культурных реликвий тут не поможет.

Гостиная была залита светом. На круглом столе уже стояли четыре холодные и три горячие закуски, на кухне еще что-то готовилось. Дин Хоукан сидел на своем месте и наливал рисовое вино — по маленькой рюмке каждый день, а в последнее время из-за жары пил лишь половину.

Дин Ханьбай дошел до двери кухни, принялся и спросил:

— Мам, а где мои крылышки в масле?

Цзян Шулю, помешивая овощной суп, повернулась к девушке:

— Цайвэй, где его крылышки?

— Наверное, сгорели, пока грелись, я не уследила, — Цзян Цайвэй с ехидством приподняла крышку кастрюли и выложила шесть подгоревших крылышек. — Той зарплаты, что ты получаешь, тебе даже на перекусы не хватает. Международный отель, Чжуйфэнлоу, западные

рестораны — вечно выбираешь, где подороже.

Дин Ханьбай забрал еду, его раздражала болтовня этих двух сестер. С восемнадцати лет у него было одно и то же желание на день рождения: чтобы Цзян Цайвэй поскорее вышла замуж.

Ужин был готов, две семьи начали есть. Семья Дин Хоукана из трех человек — два сына, Дин Эрхэ и Дин Кэюй, были двоюродными братьями Дина Ханьбая. Сам Дин Ханьбай был единственным сыном, и часто доводил Дин Яньшоу до бессонницы.

— Кстати, дядя ведь уже шесть дней как уехал?

Место во главе стола пустовало. Дин Яньшоу уехал в Янчжоу на похороны своего покойного друга Цзи Фансюя. Но даже если бы он три дня охранял гроб, давно пора было вернуться. Дин Ханьбай, грызя крылышко, усмехнулся:

— Мастер Цзи наверняка уже похоронен, отец, небось, уже начал путешествовать по Янчжоу.

Цзян Шулю бросила на него строгий взгляд:

— Какое путешествие? После похорон надо утешить родных, посмотреть, нужна ли помощь семье Фансюя.

Дин Ханьбай парировал:

— Какая помощь? Разве у них в Янчжоу нет других родственников и друзей? К тому же, в возрасте мастера Цзи разве не было детей? А ученики на что? Живы — учись и служи, умер — заботься о близких. Разве что ученики бессовестные.

Цзян Шулю не смогла с ним спорить и просто наполнила его чашку рисом, чтобы заткнуть ему рот.

Вечером, когда стало немного прохладнее, Дин Ханьбай заперся в мастерской. Домашними делами он никогда не занимался: если стул упадет, он обойдет его, но рукой не пошевелит, чтобы поднять. Мастерская была исключением. Он никому не позволял к ней прикасаться, убирался сам, всегда держал двери и окна на замке, а ключ носил с собой.

Цзян Цайвэй постоянно подшучивала, что там спрятаны материалы на сотни тысяч. Дин Кэюй однажды из любопытства заглянул туда, просто чтобы полюбоваться, в итоге Дин Ханьбай пнул его прямо в пруд перед стеной-экраном, и тот проболел почти месяц в самый разгар зимы.

В лунную летнюю ночь свет во дворе был мягким и прозрачным. Дин Ханьбай, весь в поту, вышел из мастерской, держа в левой руке поднос из красного сандалового дерева с куском

камня личжидун. Приняв душ, он сел в кресло-качалку и при свете луны и маленькой лампы начал резать. Самый тонкий нож скользил по узору, напоминающему волокна редьки. Пути назад не было — работа, не терпящая ни малейшей ошибки.

Дин Ханьбай вырезал статуэтку богини Гуаньинь размером с ладонь. Не успев доделать детали, он начал клевать носом. Зевая и глядя на луну, он с долей самоиронии подумал: чего спешить? Всё равно, если даже доделаю, не факт, что продастся.

Он решил пойти спать.

В Бюро обычно было тихо. Дин Ханьбай пришел рано и как раз застал заместителя директора городского музея, который пришел обсуждать отчетность по новой партии экспонатов и уточнить время проверки.

Как только музейное начальство ушло, появился Чжан Инь. Дин Ханьбай тут же бодро вскочил:

— Директор Чжан, а рубашка у вас из неплохой ткани.

Чжан Инь с натянутой улыбкой ответил:

— Я всю неделю в ней хожу.

Дин Ханьбай не умел долго держать язык за зубами:

— Вы же все-таки в офисе сидите, как можно быть таким неряшливым?

Он вошел за ним в кабинет. Чжан Инь сел, Дин Ханьбай — напротив, давая понять, что у него есть дело. Чжан Инь пододвинул чашку с чаем, всем своим видом показывая, что он открыт для разговора. Он-то знал: в этом кабинете Дин Ханьбай — единственный, кто еще ни разу не налил ему чаю.

У Дина Ханьбая были деньги и характер, но не было привычки подлизываться. Он окинул взглядом чашку и фыркнул:

— Товар из универмага, ширпотреб. Сходили бы в наш магазин, выбрали бы что-то стоящее, я бы вам подарил.

Чжан Инь был в ярости. Мало того, что чай не налил, так еще и его вещь раскритиковал. Он откинулся на спинку стула и нахмурился:

— Что у тебя за дело?

Дин Ханьбай поднял стопку бумаг на краю стола и вытянул самый нижний лист:

— Я в понедельник подал заявление на командировку, сегодня уже пятница.

— А что пятница? — Чжан Инь не взял бумагу, сцепил пальцы в замок. — Не подпишу. Поедем со старым Ши.

Дин Ханьбай сжал заявление:

— Руководителю Ши уже за пятьдесят, вы хотите, чтобы он протрясся такую даль? К тому же, цель поездки — осмотр артефактов, я в этом разбираюсь, буду полезнее всего.

Чжан Инь усмехнулся:

— Разбираешься или нет — решать не тебе. Не надо тут строить из себя знатока. Как ни крути, твоя семья — просто резчики по камню, не возомнил себя частью элиты?

Другие коллеги уже начали подтягиваться и поглядывали в сторону кабинета. Те, кто был помягче, беспокоились, что Дин Ханьбай навлечет на себя беду, остальные просто наблюдали за представлением. Дин Ханьбай оправдал ожидания обеих сторон и спокойно ответил:

— Решать не мне, но я разбираюсь в этом лучше, чем вы, директор. И не надо про мою семью. Даже если останется одна лавка Юй Сяоцзи, мы всё равно будем лидерами в отрасли.

— Резчики по камню? Те камни, что я, Дин Ханьбай, забраковал, вы и за всю жизнь не купите. — Он откинулся на спинку стула, как будто сидел в кресле-качалке у себя во дворе. — А вы забавный. Неужели, став директором Бюро, вы решили, что стали экспертом? Выйди вы из этого кабинета, кому вы нужны?

Дин Ханьбай несколькими фразами прижал Чжан Иня к стенке. Его утренняя вежливость испарилась. Он мог стерпеть многое, но только не оскорбление статуса мастерской семьи Дин. Люди его круга были высокомерными, а он, обладая талантом и смелостью, был не просто высокомерным, а дерзким.

Чжан Инь кипел от гнева, но из-за своего положения не мог позволить себе вспылить. Он давно невзлюбил Дина Ханьбая, за полгода нашел кучу поводов придрасться, но вот так, открыто, они столкнулись впервые.

Дин Ханьбай прекрасно понимал ситуацию: одна его подставка для кистей стоила как три зарплаты Чжан Иня. Директор Бюро, встречая его, всегда интересовался новинками в Юй Сяоцзи. Сами по себе деньги ничего не значили, но Чжан Инь был мелочным и жадным, вот и начались проблемы.

Самое главное — оба они интересовались антиквариатом, а в этом кругу нет простаков. Дилетанты презируют новичков, а знатоки не признают авторитетов.

Высказавшись, Дин Ханьбай лениво встал и, дойдя до двери, остановился:

— Командировку не подпишете, так, может, отпуск подпишете?

Чжан Инь не хотел его видеть:

— Проваливай!

Дин Ханьбай ушел. Дома его наверняка ждала лекция от Цзян Шулю, поэтому он просто сел на велосипед и поехал на рынок материалов. Рынок оживал еще с четверга: скупщики, ценители, покупатели — народу полно.

У каждого прилавка шли торги. У Дина Ханьбая не было с собой много денег, он побродил вокруг и зашел в лавку древесины. Он хотел выбрать кусок сандалового дерева для резьбы. Хозяин увидел, что он молодой и одет опрятно, не похож на перекупщика, и не обратил на него внимания.

— Хозяин, это у вас сандал? — спросила женщина у прилавка.

— Настоящий, красный сандал. Смотрите на текстуру, я сейчас покажу вам золотые вкрапления.

Женщина немного разбиралась:

— Сейчас много подделок, я не уверена.

— У нас всё подлинное, даже лучше, чем в Юй Сяоцзи, — хозяин перевернул образец. — Что вы хотите сделать? Сейчас модно бусины из сандала.

Женщина тут же забыла про сомнения:

— Хочу отнести в Юй Сяоцзи, сделать бусины. Готовые слишком дорогие, куплю материал — дешевле выйдет.

Дин Ханьбай хотел просто посмотреть, но слова женщины задели его за живое. Он прислонился к прилавку и, засунув руки в карманы, открыто слушал. Хозяин продолжал:

— Конечно. Мой материал лучше, чем у них. Честно говоря, в Юй Сяоцзи цены заоблачные, кто

знает, настоящее там или нет.

Дин Ханьбай вставил:

— Лучше, чем продавать кровавый сандал под видом красного, обманывая людей.

И добавил женщине:

— В Юй Сяоци агат — это агат, сандал — это сандал. Проверите где угодно — всё будет верно. И хотя цены высокие, но если посмотреть на рынок, изделия из сандала только растут в цене, так что вы еще и заработаете.

Дин Ханьбай ушел, не дожидаясь, пока хозяин начнет злиться.

На самом деле Юй Сяоци действительно был велик, иначе бы те люди не пытались возвыситься за их счет. Но почему же из всеобщего любимца магазин превратился в объект критики? В конечном счете, бизнес идет плохо, лавки закрываются. Столетняя репутация копилась долго, а растерять ее можно за год-полтора.

Но больше всего Дина Ханьбая злило то, что Юй Сяоци пришел в упадок не из-за плохого товара, а из-за того, что в последние годы отрасль быстро развивалась, появилось много дилетантов и дешевых материалов. Когда всего много — качество падает, а Юй Сяоци не хотел снижать планку, вот и остался в одиночестве.

У него пропало настроение. Выбрав кусок дерева, он отправился домой.

В выходные всегда было шумно. Все братья были дома, приехал и младший брат из семьи дяди — Цзян Тинэнь. Все они — семнадцати-восемнадцатилетние парни, любили моду и всё новое, но, услышав, что Дин Яньшоу сегодня прилетает, вынуждены были сидеть дома и притворяться прилежными.

Дин Ханьбай вырезал иероглифы на столе. Под материалом лежал слой рисовой бумаги. Он написал иероглифы кистью и приготовился к работе. Три брата окружили его, загородив свет. Он раздраженно поднял голову:

— В зоопарке на обезьян пришли посмотреть?

Дин Эрхэ, его ровесник, поторопил:

— Не тyani, покажи мастер-класс.

Дин Ханьбай опустил нож. Угол наклона не изменился, работали только пальцы. Горизонтальные, вертикальные, откидные — всё одним движением. Точки, крючки — след глубокий, скорость стабильная. Закончив, он сдул древесную пыль прямо в лица братьям.

Цзян Тинэнь недовольно сказал:

— Брат, так быстро, мы не успеваем учиться.

Дин Ханьбай заметил арбуз на маленьком столике:

— Сходи на кухню, принеси лед, я хочу охладить арбуз.

Цзян Тинэнь убежал, а Дин Кэюй взял в руки деревяшку:

— Пять облаков... Брат, твое имя звучит как шутка, не думал, что ты так к нему привязан.

Дин Ханьбай, держа нож между пальцев, не стал ждать льда, встал и понес арбуз. Выйдя из комнаты, он сел на веранде, съел его, а на корке вырезал несколько облаков. Его настоящее имя было Дин Уюнь, он родился в пятый день пятого месяца, облака символизировали удачу. Но как только проявился его талант к резьбе, отец дал ему имя Ханьбай, которое постепенно вытеснило старое, и при поступлении в школу оно стало официальным.

В антиквариате и резьбе нефрит был самым востребованным материалом. Дин Яньшоу всю жизнь был скромным человеком, но вот в отношении сына решил проявить амбиции.

Дин Кэюй и Дин Эрхэ вышли из комнаты. Дин Эрхэ нарочно поддразнил:

— Ханьбай, ждем, когда ты научишь нас резьбе, давай быстрее.

Дин Ханьбай, довольный после арбуза, бросил нож:

— Что за дурацкое имя!

Этих братьев Дин Яньшоу тоже называл в честь материалов, но это было так, к слову, и все забывали. Только у Дина Ханьбая всё было официально. Он, в сущности, принял это, единственное, что его раздражало — нефрит слишком хрупкий.

Посмеявшись, Цзян Тинэнь, искавший лед, наконец прибежал обратно, но с пустыми руками и сообщил:

— Мастер вернулся! И привез с собой кого-то!

Похороны — дело невеселое, а он еще и привез кого-то? Кого? Дин Ханьбай выругался. Цзян Тинэнь, обиженный, встал рядом с горшком бамбука:

— Правда, он в переднем зале!

Дин Ханьбай длинными шагами сошел со ступеней и побежал в передний двор. Двери главной гостиной были открыты. Толстый ковер в летнюю жару казался душным, но новые нефритовые украшения добавляли прохлады.

Дин Яньшоу разговаривал с Цзян Шулю и не заметил, как вошел сын. Дин Ханьбай не стал звать отца, его взгляд сразу упал на мальчика, стоявшего посреди гостиной.

Мальчик тоже смотрел на него, с испугом в глазах.

У Дина Ханьбая разболелась голова. Как он мог привезти кого-то? Семья и так большая, а он еще притащил человека из Янчжоу. Южанин в северном доме — как бельмо на глазу.

Он подошел к нему и спросил:

— Ты кто такой?

Дин Яньшоу наконец поднял голову:

— Это ученик мастера Цзи. Отныне он будет жить с нами. Будьте потише и поменьше дерзите, не хочу видеть, как вы его обижаете.

Дин Ханьбай невозмутимо спросил:

— Как тебя зовут?

Мальчик, замороженный его взглядом, даже не моргнул:

— Цзи Шэньюй. Шэньюй — от слов осторожность в словах и поступках.

Чужак в доме — ученик или сын? Братья гадали, но не смели показывать недовольство при Дин Яньшоу. Дин Ханьбай, мастер провокаций, тут же заявил, что имя у него некрасивое, а потом спросил:

— Отец, ты принял его в ученики?

Дин Яньшоу кивнул:

— Да, отныне Шэньюй будет пятым, вашим младшим братом.

Цзи Шэньюй колебался, стоит ли называть их старшими братьями.

Неожиданно Дин Ханьбай посмотрел на него:

— Маленький Цзи, ученикам у нас дают другое имя. Впервые вижу такое чистое и светлое лицо, может, назовем тебя... Цзи Чжэньчжу?

Цзи Шэньюй только что потерял учителя, только что признал нового, стоял в незнакомом доме перед кучей незнакомых людей и не мог понять, рады они ему или нет.

Солнце жгло, улыбка Дина Ханьбая слепила глаза. Он кивнул, вынужденный согласиться.

Появление нового человека в доме — дело нешуточное.

Но раз уж его привезли, нельзя же выгнать обратно.

Напротив двери в гостиной стояла пара кресел, слева — диван и телевизор, справа — круглый обеденный стол. Дин Ханьбай, дав парню прозвище, развалился на диване и, закинув ногу на ногу, смотрел телевизор.

Он был заводилой, и раз его отношение было понятно, остальные трое братьев последовали его примеру. Дин Эрхэ нашел повод улизнуть в восточный двор, Дин Кэюй встал за диваном и тоже уставился в телевизор, а Цзян Тинэнь был слишком мал, чтобы усидеть на месте — то выбегал, то впрыгивал обратно.

Никто не обращал внимания на Цзи Шэньюя.

Цзи Шэньюй стоял на толстом ковре, чувствуя себя не в своей тарелке. Спина покрылась потом. Он впервые приехал на север и думал, что лето здесь прохладное, но оказалось — такая же жара.

Стоя в одиночестве, не смея пошевелиться, он осознал, что он здесь — незваный гость, и от этого потел еще сильнее.